

Критические концепции государства и их значение для российской юриспруденции: введение в проблематику

Аннотация. Государство почти всегда является ключевым политическим понятием в сознании юристов. Часто оно «лишено» истории: древние и современные политические объединения (полис, республику, империю, национальное государство) именуют одним термином, не замечая принципиального различия между ними. В статье подчеркивается различие «универсалистских» и «критических» подходов к государству. Первые стремятся к тому, чтобы увидеть рождение государства во втором тысячелетии до н.э., пытаясь увязать возникновение права с появлением государства. Вторые подчеркивают историческую контекстуальность появления государства — уникального социального института, появившегося в Европе в период раннего Нового времени. Государство — современный (модерный) социальный конструкт, чья действительность обусловлена не только наличием определенной идеи в сознании людей, но и устойчивыми, типизированными социальными практиками. В современном мире право опосредовано государством, во многих случаях монополизировано им. В таком ракурсе история государства часто неотделима от истории права, теория права — от теории государства. Автор статьи придерживается второго подхода и согласен с тем, что право — явление, чье существование долгое время не определялось государством.

Автор резюмирует, что в силу многих причин государство продолжает быть априорной политической категорией в сознании юристов, наблюдающих ежедневные проявления властных механизмов. Для обличения этой «естественности» государства и необходимы критические подходы к понятию и происхождению государства. В статье представлены различные критические концепции государства: от радикального политического эволюционизма до критической концептуальной истории.

Ключевые слова: критические теории государства; понятие государства; признаки государства; политическая философия; философия права; теория государства; право; государственный интерес; политические формы; полития.

Для цитирования: Назмутдинов Б. В. Критические концепции государства и их значение для российской юриспруденции: введение в проблематику // Lex russica. — 2020. — Т. 73. — № 6. — С. 122—138. — DOI: 10.17803/1729-5920.2020.163.6.122-138.

Critical Concepts of the State and their Significance for Russian Jurisprudence: Introduction to the Problem

Bulat V. Nazmutdinov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, National Research University "Higher School of Economics"
per. Bolshoy Trekhsvyatitskiy, d. 3, Moscow, Russia, 123022
bnazmutdinov@hse.ru

Abstract. The state is for the most part a key political concept in the minds of lawyers. It is often "devoid" of history: they use the same term to name ancient and modern political associations (Polis, Republic, Empire, national state), without noticing the fundamental difference between them. The paper emphasizes the difference between "universalist" and "critical" approaches to the state. The former seeks to see the birth of the state in the second Millennium BC, trying to link the emergence of law with the emergence of the state. The latter emphasizes the historical contextuality of the emergence of the state — a unique social institution that appeared in Europe during the early Modern period. The state is a modern (modern) social construct, and its reality is determined not only by the presence of a certain idea in the minds of people, but also by stable, typified social practices. In the modern world, law is mediated by the state, and in many cases, it is monopolized by it. In this perspective, the history of the state is often inseparable from the history of law, and the theory of law from the theory of the state. The author of the paper adheres to the second approach and agrees that law is a phenomenon whose existence has not been determined by the state for a long time.

The author presumes that for many reasons, the state continues to be a priori political category in the minds of lawyers who observe daily manifestations of power mechanisms. To denounce this "naturalness" of the state, critical approaches to the concept and origin of the state are necessary. The paper presents various critical concepts of the state: from radical political evolutionism to critical conceptual history.

Keywords: critical theories of the state; concept of the state; signs of the state; political philosophy; philosophy of law; theory of the state; law; state interest; political forms; polity.

Cite as: Nazmutdinov BV. Kriticheskie kontseptsii gosudarstva i ikh znachenie dlya rossiyskoy yurisprudentsii: vvedenie v problematiku [Critical Concepts of the State and their Significance for Russian Jurisprudence: Introduction to the Problems]. *Lex russica*. 2020;73:(6):122-138. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.163.6.122-138. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

В российской юриспруденции государство — одно из фундаментальных понятий. Известна догма юридического позитивизма в его этатистской версии, что право — творение суверена, что вне государства права не существует¹. Да, в догосударственном состоянии были особые правила, монономы, обычаи, но их нельзя признавать правом, поскольку тогда еще не было привычного нам аппарата принуждения.

В современном мире право опосредовано государством, во многих случаях монополизировано им. В такой перспективе история государства часто неотделима от истории права, теория права — от теории государства. Там, где

находят правовые памятники, пытаются установить существование государства: в Египте и Месопотамии, Древнем Китае и Индии. Государство «находят» уже в III тысячелетии до н.э., называя номы на берегах Нила и Евфрата «городами-государствами». Этим же термином обозначались и греческие полисы². Посчитав государство универсальным понятием, объемлющим относительно централизованные политические объединения, государствоведы и антропологи пытались обнаружить государство там, где замечали устойчивые властные отношения³.

Важную роль в «огосударствлении» юриспруденции сыграла традиция перевода. Общеизвестны мнения, что Платон написал диалог

¹ Зорькин В. Д. Позитивистская теория права в России. М., 1978. С. 60—61, 70—71.

² Подробнее об этом см.: Феномен полиса в современной зарубежной историографии. М., 2011.

³ «Однажды начавшись, этот процесс объединения продолжался со все возрастающей скоростью и привел к формированию примерно за 4000 лет до н.э. первых в истории государств (говоря о государстве, я подразумеваю автономную политическую единицу, включающую многие общины в рамках своей

«Государство», а Цицерон, отдав дань греческой философии, назвал свою работу «О государстве», Аристотель в «Политике» писал также о «государстве».

Тем не менее в оригинале диалог Платона назывался «Полития» (греч. πολιτεία), Цицерона — «О республике» (лат. De re publica). Аристотель писал о полисе, а не государстве. Арабское слово «дауля» (دولة), присутствующее в том числе в аббревиатуре запрещенного в России ИГ, сегодня часто переводят как «государство», хотя изначально оно подразумевало скорее «режим», «династию», а не политико-правовую организацию населения⁴, тем более территориальную. Образованное от того же корня слово «дәүләт» обозначает во многих тюркских языках сходное явление, но опять же весьма примерно. Более того, сверхэтническая исламская «дауля» отрицает концепцию национального государства.

Возникает проблема — не столько языковая, сколько социоюридическая. Семантическая двусмысленность возникает во многом из-за существования различных явлений, обозначаемых смежными терминами. Важно осмыслить основания этой проблемы, отнестись к ней *недогматически*, представив *критические* концепции государства. При этом нельзя утверждать, что существует «критическая концепция государства» как целостное направление критики. Мы знаем о неомарксистских «критических правовых исследованиях» (CLS)⁵, трех «Критиках» Иммануила Канта, различных неапологетических воззрениях на природу возникновения государства. Для автора этой статьи многочисленные *критические* концепции государства представляют собой совокупность идей о *скрытых основаниях* государства как исторического понятия и общественного явления, а также об идеологических и о социальных *контекстах*, делающих возможным возникновение и оправ-

дание государства. Важно обозначить общее поле для рассмотрения этого вопроса: статья представляет собой введение в проблематику.

Понятия и определения государства

Основными для данной критики становятся вопросы: что такое государство, как оно стало возможно и когда появилось? Критическая теория государства здесь необходимо смыкается с критической историей государства. На каком основании мы различаем «полис», «политию» и «государство»? Какие социальные условия сделали возможным деперсонализированный и абстрактный образ государства, не сводимый ни к системе власти, ни к совокупности подвластных? Какая эпоха, какие идеи благоприятствовали этой деперсонализации?

Чтобы ответить на эти вопросы, нужно сформулировать определение государства. В учебниках и монографиях наиболее распространена «универсалистская» дефиниция, охватывающая правления от Древнего мира до современности⁶. При этом слово «государство» трактуется двояко. Существует *политико-юридическое* определение, делающее акцент на аппарате власти: государство — аппарат (организация) публичной власти, охватывающий население на определенной территории, устанавливающий правопорядок и обладающий суверенитетом, а также международным признанием. Примером этого можно считать классическое определение Макса Вебера: «Государство есть то человеческое сообщество, которое внутри определенной области... претендует (с успехом) на монополию легитимного физического насилия»⁷.

У других авторов можно встретить так называемое *социологическое* определение: государство — суверенный союз людей, занимающий определенную территорию, обладающий

территории и имеющую централизованное правительство с полномочиями сбора налогов, призыва людей на работу или войну, а также издания и исполнения законов» (*Карнейро Р.* Теория происхождения государства // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006. С. 55).

⁴ Грюнебаум Г. Э. фон. Классический ислам. Очерк истории (600—1258). М., 1988. С. 40.

⁵ К представителям CLS часто относят Данкана Кеннеди и Роберто Унгера, подвергавших сомнению основания национальных правовых систем. Большое значение для критики основ международного права имели труды Дэвида Кеннеди и его ученика Мартти Коскенниemi (см., например: Koskeniemi M. The Politics of International Law // European Journal of International Law. 1990. № 4. Pp. 4—32). Среди британских критических теоретиков выделяют Костаса Дузинаса (см.: Douzinas C. The End of Human Rights: Critical Legal Thought at the Turn of the Century. Oxford, 2000).

⁶ Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 2004. С. 290—330.

⁷ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 645.

публичным аппаратом власти, сплоченный правопорядком. Для Иммануила Канта ««государство» (civitas) — это объединение множества людей, подчиненных правовым законам»⁸. Российский государствовед Л. С. Мамут считал государством «агрегированное и устроенное общество»⁹.

Отдавая дань этому дуализму¹⁰, австрийский юрист Ганс Кельзен писал о «государстве» как об относительно централизованном правопорядке в двух значениях слова¹¹. В первом значении государством полагается пространственно, субъектно и хронологически ограниченный правопорядок, весь правопорядок определенной страны. Во втором государством считается лишь особым образом централизованная часть правопорядка, прежде всего публичное право, конституирующее аппарат государства, его органы, их полномочия¹².

Метонимия целого и части (государства-нации и государственного аппарата) — первая проблема «универсалистской» парадигмы, языковая по форме. Вторая проблема такой парадигмы в том, что признаки, приписываемые государству (суверенитет, наличие правопорядка и пр.), часто перечисляются механически, без осмысления их состава и системного взаимоотношения. Упоминая о «государстве», говорят об обособленной территории, о публично-властном аппарате, населении как субъектном составе, вызывая к жизни арифметический (классический) подход к государству¹³. Однако государство не состоит из территории, власти и населения, оно нечто большее, чем их сумма. Они скорее аспекты или моменты государ-

ства¹⁴, параметры его существования, подобные величине, скорости или температуре тела. В такой перспективе государственная граница лишь вторичный опознавательный признак государственной территории, как официальный язык — «населения». В отличие от территории и населения, подобные признаки именуют «факультативными», отличными от основных, хотя, в сущности, это индикаторы признаков, а не отдельные характеристики.

«Факультативность» ряда признаков справедливо ассоциируется с исторически изменчивыми признаками государства. Население не всегда платило налоги, у некоторых политических образований нет своей армии. Государственные границы появляются сравнительно поздно, с развитием топографии¹⁵. Все это скорее переменные среди признаков государства в его «универсалистском» значении. Почти то же самое можно сказать о суверенитете — понятии, чьи контуры наметили в раннее Новое время Жан Боден и Томас Гоббс.

Однако критику «государства» нужно проводить не путем осмысления его вариативных признаков, а более радикально. Важно усомниться в именовании государствами различных политических объединений (политий). Часто говорят о зарождении государства в Древнем Египте, упоминают о государствах Античности, Средних веков, Нового времени. При этом не все политии имели «обязательные» признаки государства, к которым в международном праве обычно относят: 1) постоянное население; 2) определенную территорию; 3) правительство; 4) способность вступать в отношения с

⁸ Кант И. Метафизика нравов в двух частях // Кант И. Критика практического разума. СПб., 2007. С. 354.

⁹ Мамут Л. С. Социальное государство с точки зрения права // Государство и право. 2001. № 7. С. 5. См. также: Он же. Государство в ценностном измерении. М., 1998; Он же. Государство как публично-властным образом организованный народ // Журнал российского права. 2000. № 3. С. 88—100.

¹⁰ Пьер Бурдьё считал, что именно «государство в смысле “совокупности служб и ведомств нации” создает государство в смысле “совокупности граждан с определенной границей”» (Бурдьё П. О государстве. М., 2016. С. 101).

¹¹ Чистое учение о праве Ганса Кельзена: сб. переводов. Вып. 2. М., 1988. С. 146.

¹² Б. Джессоп добавляет также четвертый, идеологический элемент — государственный дискурс, или политическое воображение (Джессоп Б. Государство: прошлое, настоящее и будущее. М., 2019. С. 112—116).

¹³ Еллинек Г. Указ. соч. С. 383—384.

¹⁴ Карсавин Л. П. Государство и кризис демократии // Новый мир. 1991. № 1. С. 183.

¹⁵ «Средневековые не знали территориальных границ между странами: существовали рубежи между феодальными владениями, которые, разумеется, были хорошо известны местным крестьянам и их сеньорам, но политического значения эти межи не имели. Никому не приходило наносить их на карту (географические карты также получили распространение в раннее Новое время!) и хранить ее в королевском архиве» (Кром М. М. Рождение государства: Московская Русь XV—XVI веков. М., 2018. С. 87).

другими государствами; 5) наличие членства в ООН (всеобщее признание)¹⁶.

Долгое время не существовало международного признания государств, поскольку не было единого или хотя бы общего международного пространства: греки в лице Аристотеля вообще не считали восточные общности полноценными политическими образованиями, именуя их деспотиями. Тем не менее они вели с ними не только войны, но и переговоры, заключали союзы, в том числе против других полисов, признавая их де-факто сторонами внешнеполитических отношений.

«Государство» и иные политии в призме истории: критическое осмысление

Основная проблема при определении понятия государства состоит не в отдельных признаках, которые ему приписывают, а в самом «универсалистском» подходе. Эллины рассуждали о полисе и политии, а не о государствах, всё остальное — «подвиг» интерпретаторов и переводчиков. Французский мыслитель Бертран Жувенель пишет, что в Античности не было государства в привычном для нас виде, не существовало единства публичной власти, власть была принципиально непрофессиональна, не было четких различий между управленцами и управляемыми, должности занимали в течение короткого срока, часто по жребию¹⁷.

Отличие «полисов» и «империй» от государств подчеркивает израильский историк Мартин ван Кревельд. Он радикализует тео-

рии политического эволюционизма¹⁸, усложняя схему американского антрополога Элмана Сервиса, описавшего эволюцию социополитических форм примерно так: «группа без правил» (band) — «племя» (tribe) — «вождество» (chiefdom) — «государство» (state). Кревельд расщепляет последнюю стадию на три части: «государству» предшествуют самоуправляемые гражданские общины (полисы) и империи.

В отличие от государств, полис — общество городское, локальное, небольшое по территории. По мнению Кревельда, в полисе, в отличие от иных форм негосударственных политий (вождества и племени), появляется различие частного и публичного, появляется политическая власть, отличная от других видов властей¹⁹, возникают магистраты, большинство из которых выборные. Судебная функция начинает исполняться теми, кто не отвечает за исполнительную власть, намечается очень далекий прообраз «разделения властей». Но в полисе нет отделения народа от государственного аппарата (денег за службу не получают, для отправления публичных функций часто используют личные возможности и имущество); нет профессиональной бюрократии и постоянной армии: перед лицом опасности сами граждане становились войском. Полисы могли обладать автономией («самозаконием») — правом самостоятельно устанавливать законы и чтить своих богов. Однако о суверенитете как о понятии не могло быть и речи, тем более что полисы часто не были самостоятельны.

Признаки полиса были восприняты Римской республикой, где не было растождествления

¹⁶ Копылова Е. Международный уголовный суд и Палестинская автономия: отказ в правосудии // Международное правосудие. 2012. № 2 (3). С. 88. (Автор статьи, упоминая первые четыре признака государства, ссылается на Конвенцию Монтевидео о правах и обязанностях государств от 26 декабря 1933 г.)

¹⁷ Жувенель Б. де. Власть. Естественная история ее возрастания. М., 2011. С. 141.

¹⁸ Современный политический эволюционизм с оговорками можно отнести к *критическим* концепциям государства, поскольку он предлагает новые масштабы сравнения, обозначает пределы распространения государства, нелинейность эволюции политических форм: «В наши дни не кажутся столь уж неопровержимыми, как несколько лет назад, постулаты о государстве как единственно возможной форме политической и социокультурной организации постпервобытных обществ, об а priori более высоком уровне развития государства по сравнению с любым негосударственным обществом. Стало очевидным, что негосударственные общества необязательно менее сложны и менее эффективны. Заслуживает внимания проблема существования негосударственных, но и непервобытных обществ (то есть главным образом негосударственных, но не догосударственных), альтернативных государству (как якобы неизбежной постпервобытной форме социально-политической организации)» (Бондаренко Д. М., Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Альтернативы социальной эволюции // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006. С. 17). Из содержания сборника можно узнать о различных направлениях в политическом эволюционализме.

¹⁹ Кревельд М. ван. Расцвет и упадок государства. М., 2006. С. 38—45.

аппарата управления и гражданской общины (*civitas*), властвующей и одновременно подвластной: «Они [римляне] не нуждаются также в слове “государство”», поскольку не имеют понятия о существовании некой трансцендентной вещи, существующей вне их и над ними, а осознают только свои общие интересы, составляющие *Res Publica*. <...> Именно данное конкретное объединение, *populus*, и его интересы *res publica* — вот то, к чему апеллируют, чтобы противопоставить целое частному лицу или чужому сообществу. О государстве не говорится совсем, нет никакого термина, обозначающего существование некой моральной персоны, отличной от граждан <...> Республика — это отчетливое “мы”: мы римские граждане, рассматриваемые как общество, которое мы образуем ради наших общих целей»²⁰.

Кревельд подчеркивал, что «...ни греки, ни римляне никогда не воспринимали государство как абстрактную сущность, отделенную от его граждан. Там, где мы могли бы сказать “государство”, они писали “общество” или “народ”; наконец, именно историк Фукидид написал, что “город — это люди”»²¹.

В такой перспективе политическое общение перестает быть общением по поводу государственной жизни. Превращение переводчиком «полиса» и «политии» в «государство» делает «Политику» Аристотеля этикетским произведением, хотя в этом трактате говорится об общении в полисе, где полноправные и свободные граждане должны участвовать в политической жизни, а вовсе не о создании искусственной личности, в пользу которой отчуждаются свободы и полномочия. «Гражданство» эллина, по Аристотелю, выражается не столько в правовом статусе, статичной связи с публичным целым, сколько в участии в общей жизни: отправлении правосудия и занятии должностей.

Большее сходство с «государством» имело древнеримское политическое устройство эпохи империи, когда возникла система специальных должностей, которую можно было бы сопоставить с «государством». Тем не менее немецкий

историк Рудольф Штарк подчеркивает: «...уже фон Виламовиц предупреждал: “Такая холодная абстракция, как государство, слабо соотносится с реальной жизнью; у римлян не было соответствующего термина, а мы пользуемся латинским словом, лишенным его первоначального смысла”. И действительно, изначально *res publica*, “общественное дело”, не могло быть термином для обозначения государственного сообщества»²².

Изначально даже деление на публичное и частное право не ставилось в зависимость от «государства». В знаменитом высказывании Ульпиана (которое, к слову, описывает не систему права, а структуру правовой науки) присутствует указание не на положение государства, с которым якобы связано публичное право, а на *status rei Romanae*, «положение дел» Рима²³. Штарк подчеркивает, что *res publica* все же начинает обозначать «государство», объемлющее другие публичные дела (*rei publicae*): «*Res publica* не ощущается больше как вещественная область наряду с другой вещественной сферой — *res privata*, но приобретает свойства личности и выступает по отношению к своим подданным... как лицо со своеобразными притязаниями»²⁴. Но, в отличие от государства, *res publica* «...никогда не воспринимали как действующее лицо, как носителя государственно-правовых функций; например, *res publica* *p. R. Qi.* никогда не заключает договоров, а всегда только *senatus populus que Romanus*. Это действие, согласно античным воззрениям, могли совершать лишь конкретные представители общины или сам народ»²⁵.

В отличие от республиканского Рима, Римская империя, особенно в эпоху домината, в большей степени напоминала «государство» из-за своих монархических признаков. Как и в других монархиях, здесь существовали различия между правящими и подвластными: «Неважно, что потом в результате политической революции царь исчезает, его дело остается: общество формируется вокруг аппарата, который над ним господствует и становится ему не-

²⁰ Жувенель Б. де. Указ. соч. С. 79, 141—142.

²¹ Кревельд М. ван. Указ. соч. С. 78.

²² Штарк Р. *Res Publica* // *Res Publica: история понятия*. СПб., 2009. С. 7.

²³ «...*Publicum ius est, quod ad statum rei Romana spectat, privatum, quod ad singulorum utilitatem* (публичное право — то, которое относится к положению *res Romana*, а частное — к пользе отдельных людей)» (Штарк Р. Указ. соч. С. 25).

²⁴ Штарк Р. Указ. соч. С. 34—35, 42—43.

²⁵ Штарк Р. Указ. соч. С. 46—47.

обходим. <...> Эра монархии, таким образом, создала тело, отличное от социального тела, — Власть, — которое живет собственной жизнью и имеет собственные интересы, характеристики и цели»²⁶.

Между тем отличие империи от «государства» Кревельд также подчеркивал. Если государства признают друг друга существующими, находясь в единой сетке координат, то империи, крупные территориальные образования, стремятся по-настоящему признавать только себя: «Все остальные лишь варвары». Имперское правление, по мнению Кревельда, поддерживали, помимо религии, два столпа — регулярная армия и бюрократия. Была важна также развитая система налогообложения, при этом собственность империи часто воспринималась как собственность императора. Словом *fiscus* именовалась частная императорская касса, которой правитель мог распоряжаться произвольно. Армия и чиновники служили императору — иногда как лицу публичному, иногда — частному, часто эти две формы служения не различались. Купцы могли заниматься не только торговлей, но и сбором налогов в пользу императора. «В отсутствие абстрактного института государства вся структура представляла собой гигантскую систему вымогательства, в рамках которой император вместе со своими слугами, каким бы ни был их точный статус, “стригли” все остальное население»²⁷. В отличие от государства, империя содержала сравнительно небольшой центральный бюрократический аппарат, многие функции были децентрализованы.

В период феодализма процесс централизации политической власти был приостановлен. «Тогда еще не было даже намека на идеи о том, что территории любого правителя должны быть объединены на основе национальности подданных, что у территорий должны быть естественные границы и даже о том, что они должны быть сосредоточены в одном месте, а не разбросаны. В этих обстоятельствах движение к централизованной власти могло проходить только медленно, и, более того, прогресс в

этом направлении мог быть только временным. Очень часто он вызывал обратную реакцию; с большой вероятностью рано или поздно подчинявшаяся королю местная знать восставала, объединяла силы с зарубежным захватчиком или делала и то и другое одновременно»²⁸. Важные изменения наступили в период позднего Средневековья.

Рождение и становление «государства»: критическая история понятия

Государство, по мнению Кревельда, возникло относительно недавно, в 1300—1648 гг. Основания для его возникновения появились в позднем Средневековье, они были связаны с усилением власти королей и ослаблением власти папы, императора Священной Римской империи. Борясь с церковью, аристократами и империей, королевская власть постепенно образовала «государство». Уже в XIV в. короли для поддержания войн учреждают постоянные налоги: «Подлинный итог Столетней войны — это утверждение постоянной тали, идущей на содержание ордонансовых рот, т.е. постоянной оплачиваемой кавалерии (1444)»²⁹.

Важный вклад в критическое осмысление происхождения государства внес классик английской концептуальной истории Квинтин Скиннер. В статье *The State*, опубликованной в сборнике под редакцией авторов, представляющих направление *Critical Conceptual History*, Скиннер связал возникновение «государства» в европейском политико-правовом дискурсе с ранним Новым временем, особо выделив роль Томаса Гоббса в этом процессе³⁰.

«Государству» в современной европейской традиции соответствуют *Stato*, *State*, *Etat*, *Staat* и др. Слово *lo stato* использовал Никколо Макиавелли в трактате «Государь» (1513), посвященном главе Флоренции Лоренцо Медичи. Итальянское *lo stato*, характеризовавшее какое-либо «правление», происходило от римского *status*, обозначавшего не только статус самоуправляемых сообществ, состояние наро-

²⁶ Жувенель Б. де. Указ. соч. С. 142—143.

²⁷ Кревельд М. ван. Указ. соч. С. 64.

²⁸ Кревельд М. ван. Указ. соч. С. 64.

²⁹ Жувенель Б. де. Указ. соч. С. 205.

³⁰ Skinner Q. *The State // Political Innovation and Conceptual Change* / Ed. by T. Ball, J. Farr and R. L. Hanson. Cambridge, 1989. Pp. 90—131.

да, *status rei publicae*, но и *status regis* — статус правящего, короля, монарха³¹.

Однако, введя *lo stato* в широкий политический лексикон, Макиавелли не сформулировал понятия государства. Русский перевод трактата «Государь» более чем условен. Оригинальное название трактата на итальянском — *Il principe* («принц», «принцепс»). В русской традиции эти слова используются в другом значении («наследник престола», «первый в сенате»), поэтому трактат переводили как «Князь» или «Государь». *Lo stato* у Макиавелли обозначало правление, престол, область властвования, но не государство³². Четкого определения *lo stato* Макиавелли не сформулировал. По мнению Олега Хархордина, основанному на высказывании Джека Хекстера, *lo stato* у Макиавелли — еще не субъект, а скорее объект власти³³. Его приобретают, удерживают, теряют: *mantenero lo stato* означает «сохранять правление».

Вместе с тем логика, используемая теоретиками немецкой «истории понятий», намекает на перспективную социальную роль исторических понятий: реальность текста вызывает к жизни реальность социальных явлений. *Lo stato* Макиавелли способствовало появлению феномена современного государства. Для полноценного рождения государства три знаменитые грани (слово — понятие — социальное явление) должны образовать нечто единое. Социальные понятия не могут быть полноценны вне общественных явлений: если явление как таковое не кристаллизовалось, не возникло и точного определения «государства». Для «сборки» государства были необходимы серьезные изменения в политико-правовом развитии стран Европы. Претендовать на роль особенного правления (*lo stato*) стала королевская власть, боровшаяся с иными публично-властными субъектами.

Долгое время в средневековой Европе монархии обозначали прежде всего личные, династические правления. Юст Липсий в своей работе «Шесть книг о политике или о гражданской доктрине» утверждал, что против монарха «восстание могло быть вызвано тем, что у правителя не было детей, что его лицо было

изуродовано или он страдал от неизлечимой болезни»³⁴.

Лояльность связывалась с сюзереном, династией, а не безличным публичным целым. Для того, чтобы *lo stato* начало обозначать какой-то четко определенный тип правления, важно было не просто отграничить его от других форм власти, но и утвердить его гегемонию. Как и государство, церковь и империя претендовали на статус универсальной власти; власть аристократии носила территориальный и личный характер. Государство же должно было и сохранить универсалистский характер, и воздействовать на локальные власти. В борьбе с папой, аристократией и императором Священной Римской империи короли добились права быть более сильными. Известен принцип, который был выгоден монархам: «Король — император в своем государстве» (*Rex est imperator in regno suo*).

Примат над другими властями стали называть суверенитетом. Изначально оно означало лишь первенство и только потом — верховенство королевской власти: никто, кроме того, кто говорит от имени *lo stato*, не может навязывать гражданам данной территории свой порядок. Изначально суверенитет обозначал не столько независимость и преимущество перед другими государствами, сколько первенство власти монарха по отношению к иным публичным властям³⁵.

Идеологом королевского суверенитета стал французский юрист и политический философ Жан Боден, издавший в 1576 г. работу «Шесть книг о государстве» (*Les six livres de la République*). Работа была написана в период религиозных войн во Франции, спустя четыре года после Варфоломеевской ночи. Боден считал, что «суверенитет есть абсолютная и постоянная власть Государства [*d'une République*], которую латиняне называют *Majestatem* (величием); <...> итальянцы — *seignoria* (сеньорией), — слово, которое они употребляют как по отношению к частным лицам, так и к тем, кто управляет государственными делами; евреи ее называют... [*tomadchavet*], то есть наивысшей властью распоряжаться»³⁶.

³¹ Скиннер Кв. *The State* // Понятие государства в четырех языках. СПб., 2002. С. 14.

³² Скиннер Кв. Указ. соч. С. 23.

³³ Хархордин О. Основные понятия российской политики. М., 2011. С. 11.

³⁴ Кревельд М. ван. Указ. соч. С. 160.

³⁵ Еллинек Г. Указ. соч. С. 421—471.

³⁶ Боден Ж. Шесть книг о государстве // Антология мировой политической мысли : в 5 т. М., 1999. Т. 2. С. 689—695.

В конце XVI в. итальянский мыслитель Джованни Ботеро ввел в оборот понятие «государственный интерес» в одноименной работе *Della Ragion di Stato* (1589). Многие знают это словосочетание в его французской версии: *raison d'État*. Отталкиваясь и отстраняясь от «аморальной» позиции Макиавелли, Ботеро пытался построить этическую теорию того, как правильно и добродетельно управлять тем, что теперь именовалось *lo stato*, направляя и контролируя жизнь своих подданных, в том числе в вопросе численности населения. Исследователи даже замечают у Ботеро «риторику благотворительного контроля»³⁷.

По мнению Карла Шмитта, эпоха суверенных государств берет начало с XVI в.³⁸ Образцовой моделью «государства» как суверенного образования становится Франция. Благодаря деятельности Ришелье и Мазарини, победе в борьбе с аристократией, Франция во время правления Людовика XIV стала самым могущественным государством Европы. Период расцвета абсолютистского государства во Франции именуют «Великим веком».

Как победило «государство»? Благодаря своим талантливым идеологам (Бодену, Ботеро, Гоббсу, Монтескье), а также поражению империи и папства в Тридцатилетней войне. Победу королевских государств закрепил Вестфальский мир 1648 г., утверждавший веротерпимость и ослаблявший церковь. Он санкционировал переход ряда церковных земель к светским феодалам, германским князьям было даровано территориальное господство, право самостоятельно заключать договоры, если они не направлены против императора, право содержать самостоятельные вооруженные силы. Правители получили право самостоятельно регулировать религиозные отношения на своей территории: установленный двумя договорами Вестфальский мир был раскритикован папой римским³⁹.

Эти соглашения были направлены не только против церкви, но и против империи: «Из ха-

оса войны возник и был готов занять ее [Все-ленской *Res Publica Christiana*] место новый порядок, основанный на жестком балансе сил между великими государствами»⁴⁰. Постепенно короли перенимали титул и регалии императоров, придумывали себе имперскую историю.

Примерно в это же время возникают ключевые политические мыслители, обосновывавшие современное (модерное) государство. Первым из них был Томас Гоббс, чей «Левиафан» (1651) стал возможен в том числе благодаря английской революции и Тридцатилетней войне, завершившимся за несколько лет до издания этой книги. Гоббс считал государство единым лицом, «ответственность за действия которого взяло на себя — путем взаимного договора — огромное множество людей, с тем чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты»⁴¹. В таком контексте Гоббс предстает не просто автором «одной из теорий происхождения государства», как пишут юристы, но тем, кто впервые обосновал и оправдал «государство» в точном смысле этого слова.

Хотя Гоббс и допускал наличие неотчуждаемого права человека на самосохранение, он был сторонником не конституционного, а абсолютного правления. Есть традиция называть государства XVII в. абсолютистскими, но, по сути, это и были первые «государства». Именно в это время королевские правления начали называть государствами.

Одной из черт огосударствления политической жизни стала постепенная монополизация судебной власти. Исполнение решений церковных судов находилось в ведении королевских представителей, в том числе по делам инквизиции⁴². Во Франции «ордонанс 1670 г. завершает процесс концентрации, который поступательно лишал церковь и сеньоров их юрисдикции в пользу королевской юрисдикции»⁴³.

³⁷ Иванова Ю. В., Соколов П. В. Кроме Макиавелли : Проблема метода в политических науках раннего Нового времени. М., 2014. С. 39.

³⁸ Шмитт К. Государство как конкретное понятие, связанное с определенной исторической эпохой // *Логос*. 2012. № 5 (89). С. 207.

³⁹ Кревельд М. ван. Указ. соч. С. 113.

⁴⁰ Кревельд М. ван. Указ. соч. С. 114.

⁴¹ Гоббс Т. *Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского*. М., 2001. С. 119.

⁴² Кревельд М. ван. Указ. соч. С. 90.

⁴³ Бурдые П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // *Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук*. СПб., 1999. С. 145—146.

Карл Шмитт указывает, что в XIX в. «государство» распространилось «на все исторические эпохи и стало политической парадигмой... истории вообще»⁴⁴. Однако для того, чтобы это произошло, необходимо было избавиться от привязки суверенитета к королевской власти. Государство из объекта власти короля, того, чем король распоряжался как своей собственностью, стало субъектом власти.

Здесь важно упомянуть о сформулированной историком Эрнстом Канторовичем концепции «двух тел короля» — юридической фикции, сделавшей возможной обезличенность государства. По Канторовичу, король есть не только физическое, но и юридическое тело: если физически король умирает, то юридически — нет. Новая физическая личность (например, королевский наследник) продолжает воплощать в себе неувядающую юридическую личность короля. Однако, когда происходит расхождение физического тела и тела юридического, когда физическое лицо становится узурпатором, юридическая личность покидает физическое тело⁴⁵ и подданные могут свергнуть конкретного короля, оставшись верными настоящему Королю, — так восставшие объясняли низвержение и казнь Карла I. Его казнили как физического узурпатора юридической личности. В таком объяснении проявлялся триумф нового «государства», не привязанного к конкретному человеку. Из суверенного монарха английский король постепенно стал «королем в парламенте». Из владельца государства он превратился в его элемент: монарх стал государственным органом, точнее даже его частью.

Растождествление государства и правящей личности, деперсонализация правления стали возможны благодаря бюрократизации власти, мыслимой прежде всего в рамках организационных форм, в первую очередь правовых. Бертран де Жувенель пишет об утверждении статократии, бюрократической власти, противопоставляемой аристократии. В рамках статократии «могущество» статократа «обусловлено

лишь его положением и функцией в государственной структуре»⁴⁶, а не лидирующей ролью в конкретной социальной группе.

Поначалу бюрократия укрепилась в централизованных королевских государствах, позже — и в республиках: «Повсюду этот процесс имел сходные черты (различаясь, разумеется, в деталях), повсюду происходила бюрократизация управления и его деперсонализация: от “государства” как воплощения власти и достоинства государя происходил переход к государству как политической организации и “телу” формирующейся нации»⁴⁷.

Бюрократия представляла собой не только пресловутое «столончатство», равнодушие к людям и внимательность к формулировкам. То была своеобразно организованная власть, более упорядоченная и по сравнению с прежними личными правлениями — более эффективная.

Социальная и идейная критика «государства» и феномена бюрократии представлена в работах французского философа и социолога Пьера Бурдьё. Автор отмечал, что бюрократия как система повторяемых практик сильнее оригинальной случайности. «Чтобы была какая-то регулярность, повторяемость, нужно создать автоматизмы, бюрократические функции»⁴⁸. Бурдьё приводит в пример беседу агента по продаже недвижимости и покупателя. Агент задает последнему типичные вопросы, покупатель думает, что его ответы оригинальны и он властен над ситуацией, однако и его случай уже помещен бюрократом в систему, классифицирован и типизован.

Благодаря автоматизмам государственная бюрократия начинает влиять на то, что впоследствии будет объявлено «источником власти и носителем суверенитета». В отличие от агента по продаже недвижимости, у государственного чиновника есть полномочия, он действует от имени публичной власти. Это делает власть государства более витальной, даже «телесной»: «Бесспорность государственных предписаний

⁴⁴ Шмитт К. Указ. соч. С. 206.

⁴⁵ Канторович Э. Два тела короля. М., 2013. С. 109—111.

⁴⁶ Жувенель Б. де. Указ. соч. С. 221.

Отметим, сам термин «бюрократия» появился в середине XVIII в. — он обозначал новое, весьма неприятное правление. «Бюрократии» обличал Венсан де Гурне, защитник свободной конкуренции и автор знаменитого принципа *laissez faire* (невмешательства).

⁴⁷ Кром М. М. Рождение государства Нового времени в России и Западной Европе: сравнительно-историческая перспектива // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. СПб., 2006. С. 34.

⁴⁸ Бурдьё П. О государстве. С. 110.

заставляет признать себя с тем большей силой, что оно [государство] навязывает когнитивные структуры, в соответствии с которыми его нужно воспринимать»⁴⁹.

При этом Бурдые подчеркивает: «...чтобы действительно понять, как достигается непосредственное подчинение государственному порядку, нужно порвать с интеллектуализмом неокантианской традиции и понять, что когнитивные структуры являются не формами сознания, а телесными предрасположенностями и что подчинение, которое мы выказываем государственным предписаниям, нельзя понимать ни как механическое подчинение силе, ни как сознательное принятие порядка (во всех смыслах этого слова)»⁵⁰.

Нормативная типизация и контроль над идеями и телесностью приводят к тому, что раннемодерное, «раннебюрократическое» государство создает основания для будущих сверхцентрализованных систем. Победив иные политические объединения, правители и их помощники объявляют государство единственным полноправным политическим субъектом, способным на истинную, «нейтральную» точку зрения: «Докса есть частная точка зрения, точка зрения доминирующих... тех, кто господствует, подчиняя себе государство, кто сделал из своей точки зрения всеобщую, создавая государство»⁵¹.

Возвышение государственной бюрократии было бы невозможно без роста документооборота. Увеличение количества актов королевской канцелярии во Франции, стремившейся к централизации, можно наблюдать еще с XII в. Французский король Роберт Благочестивый (996—1031) оставил после себя 108 актов или их упоминаний. Филипп Август (1180—1204), при котором и начался активный рост документации, — около 2 500 актов. Филипп Красивый (1285—1315) — уже 50 тыс. актов⁵². В Московском княжестве в XV в. было около 2 тыс. актов. Больше всего — при Иване III, при котором число актов сопоставимо с количеством документов при Филиппе Августе.

Объем делопроизводства тесно связан с численностью правительственной бюрократии.

При французском короле Франциске I (1515—1547) королевских чиновников было около 4 тыс., в 1573 г. — уже 20 тыс. При его современнике Василии III (1505—1543) в Московской Руси был лишь 121 дьяк.

Подобные наблюдения позволяют российскому историку М. М. Кром говорить о рассинхронизации политического развития между Францией и Московским княжеством. При этом последовательность стадий сохраняется: Франция рубежа XIII—XIV вв. и Московское княжество на стыке XV—XVI вв. находились на начальной стадии становления государства Нового времени⁵³.

Рождающееся государство было классовым. В позднее Средневековье и раннее Новое время монархи искали поддержку буржуазии в борьбе с аристократией. Энгельс считал, что города и буржуазия были заинтересованы в развитии денежной экономики, в отсутствии войны и в порядке. Защиту они пытались найти в королевском государстве, стремившемся балансировать между дворянами и буржуа⁵⁴. Однако во второй половине XVIII в. связь между французским королем и буржуазией была ослаблена. И хотя лояльная королю буржуазия назначалась на ключевые административные должности, это происходило на фоне упразднения привилегий городов и городских собраний⁵⁵. Деятельность городов контролировалась королевскими чиновниками, особенно это было заметно в сфере налоговой политики. С ослаблением аристократии интересы монарха и третьего сословия стали все более различаться. Началась борьба между королем и третьим сословием, говорившим уже от имени не горожан, а всей «нации».

Становление национального государства: критический конструктивизм

Новая борьба с королевской властью привела к тому, что после падения многих монархий государство стало восприниматься как политический институт нации. В брошюре «Что такое

⁴⁹ Бурдые П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля. С. 152.

⁵⁰ Бурдые П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля. С. 110.

⁵¹ Бурдые П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля. С. 158.

⁵² Кром М. М. Рождение государства Нового времени в России и Западной Европе. С. 30.

⁵³ Кром М. М. Рождение государства Нового времени в России и Западной Европе. С. 33.

⁵⁴ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 2010. С. 192—193.

⁵⁵ Токвиль А. де. Старый порядок и революция. М., Челябинск, 2016. С. 68—78.

третье сословие?» (1789) Эммануэль Сийес заявил, что нация «есть общество людей, живущих под общим законом и представленное одним законодательным учреждением»⁵⁶. Привилегированные сословия (аристократия, духовенство) оказываются вне такой нации. Последнюю должны представлять государственные органы: король и Национальное собрание.

После 1789 г. начали воплощаться идеи Сийеса и Руссо о национальном и народном суверенитете. Началась эпоха нациестроительства, государство уже не отождествлялось с персоной правителя: оно искало опору в актуальной нации, а также в ее истории. Если династические монархии ассоциировались со стилем барокко, его сложными, изящными формами, смешением интимного и публичного, то более современный тип правления начал ассоциироваться с рационализмом и эстетикой классицизма⁵⁷ — стиля, пытавшегося оправдать собственное господство строгостью форм и отсылкой к древности⁵⁸.

При этом национальные демократии не менее тотальны, чем монархии и аристократии. Жувенель пишет о том, что они крепче связывают властвующих и подвластных; демократические национальные государства ничуть не менее милитаризованы, чем монархические⁵⁹: «...воинскую обязанность, к которой несмело продвигались монархии, учреждает революционная Франция. <...> В 1798 г. закон Журдана оформляет систему мобилизации людских ресурсов. Мужчины от двадцати до двадцати пяти лет — пять разрядов, всего около миллиона человек — признаются военнообязанными...»⁶⁰.

Происходила цепная реакция: «Как только система постоянной армии была принята одной цивилизованной нацией, необходимость ввести ее возникла и у всех соседних наций; этого

требовала безопасность, ибо их войска были совершенно неспособны противостоять такой армии», — цитирует Адама Смита Бертран де Жувенель⁶¹.

Городские стены намеренно разрушались, население постепенно обезоруживалось. Слово «ополчение» (*militia*) в Пруссии было запрещено, в других областях оно стало предметом насмешки⁶². Государство, сформировавшее сильную армию, смогло без угрозы реального сопротивления устанавливать произвольные налоги. Именно с этого времени налоговая система и регулярная армия, набираемая за счет граждан, считаются одними из важных признаков государства.

Установление налогов оправдывалось тем, что это происходит «по воле нации». Сходным образом впоследствии говорили об институтах, создаваемых в соответствии с принципом национального суверенитета: выборах, плебисцитах, делегировании полномочий.

Постепенно республик с парламентским представительством стало больше, чем монархий. «Общее благо», установление которого приписывалось монарху⁶³, перестало им определяться. Секуляризация и «демократизация» мышления привели к изменению содержания понятий «закон» и «суверенитет».

Важнейшая задача того, кто облечен высшей властью, — издание правил, в том числе в форме закона. И если законом в средневековой Руси именовали незыблемое правило, имевшее отношение к Богу и религии, то позднее законотворцем начали считать монарха⁶⁴, а потом и парламент. Если Бога не существует, то правила на земле могут устанавливать смертные люди. Происходила трансляция суверенитета: от «Бога» — к парламенту и нации: «Созданная Руссо теория народного суверенитета являет

⁵⁶ Сийес Э. Ж. Что такое третье сословие // Аббат Сийес: от Бурбонов к Бонапарту. СПб., 2003. С. 160.

⁵⁷ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965. С. 112—113.

⁵⁸ Об изобретении традиций, в том числе «древних», см.: Hobsbawm E. Introduction: The Invention of Tradition // The Invention of Tradition / Edited by E. Hobsbawm and T. Ranger. Cambridge, 1983. Pp. 1—14.

⁵⁹ Жувенель Б. де. Указ. соч. С. 197—198.

⁶⁰ Жувенель Б. де. Указ. соч. С. 203, 210.

⁶¹ Жувенель Б. де. Указ. соч. С. 203.

⁶² Кревельд М. ван. Указ. соч. С. 148.

⁶³ Хархордин О. Указ. соч. С. 32—33, 49.

⁶⁴ См. об этом: Киселев М. А. Правда и закон во второй половине XVII — первой четверти XVIII века: от монарха-судьи к монарху-законодателю // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. М., 2012. Т. 1. С. 49—65; Шахматов М. В. Подвиг власти: опыт по истории государственных идеалов России // Шахматов М. В. Государство правды. М., 2008. С. 13—14.

поразительный параллелизм со средневековой теорией божественного суверенитета. Та и другая допускают неограниченное право повелевания, которое, однако, не присуще правителям. Это право принадлежит верховной власти — Богу или народу, — которая по своей природе сама препятствует его осуществлению. И которая, таким образом, должна предоставлять полномочие на реальную Власть»⁶⁵. Жувенель упоминает орган, ограждающий «Власть» от узурпации полномочий: «В системе божественного суверенитета таким организмом неизбежно будет церковь. В системе народного суверенитета это будет парламент»⁶⁶.

Национальные государства, освобожденные от уз религии, начинают принимать всё большее количество законов: XIX век — век кодификации и век национализма. Выражаясь терминами политического конструктивизма, имело место интенсивное нациестроительство (nation-building): нация создавалась путем начального и среднего образования, влияния СМИ, службы в армии, создания новой символики, гражданской религии. Абсолютное большинство изменений в различных сферах общества было внесено законодательным путем. При издании кодексов законодатели оставили универсалистские попытки создать единое для всей Европы «разумное» право и начали действовать в собственных, национальных интересах⁶⁷.

Нация отличается от полиса или сельской общины тем, что абсолютное большинство ее членов не знает друг друга, связь между людьми прежде всего воображаемая. Именно поэтому Бенедикт Андерсон считал, что нация — «воображенное политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное»⁶⁸. Ограниченность нации состоит в том, что она неизбежно отделяет своих от чужих, среди «своих» застав-

ляя себя считать первичной ценностью, сувереном. Заявляя о себе как о верховной власти внутри определенной территории, национальное государство признает аналогичные политические объединения.

Современные нации видятся Андерсону созданными путем воображения и конструктивной деятельности, они не существовали изначально. Из большой четверки исследователей национализма — Эрнста Геллнера, Эрика Хобсбаума, Бенедикта Андерсона, Энтони Смита — только последнего можно с оговорками назвать противником конструктивистских концепций нации.

Конструктивистское видение национального государства, его истоков, рукотворности, пластичности, искусственности наций как конструкторов и воображаемых сообществ можно отнести к *критическим* концепциям государства. В такой оптике государство и нация видятся не изначальными (примордиальными) сущностями, а социальными институтами, создаваемыми людьми на определенном этапе своего развития, по сути — сравнительно поздно, в Новое время.

При этом нацию как воображенную, созданную, искусственную реальность не стоит отождествлять с иллюзорной, несуществующей. Протез выполняет некоторые функции руки, хотя сконструирован и создан. Искусственная личность государства также может быть действенной. Наибольшую силу, по мнению Кревельда, она обретает в социалистическом государстве, которое старается регулировать все ключевые сферы общественной жизни, в том числе экономическую. Неолиберальные идеи и подходы в конце 1990 гг. ограничили роль государства, приблизили упадок социального государства.

Подобное наблюдение можно соотнести с мнением Жувенеля, считавшего, что разные

⁶⁵ Жувенель Б. де. Указ. соч. С. 71.

⁶⁶ Жувенель Б. де. Указ. соч. С. 72.

⁶⁷ «...Школа естественного права знаменует поворот в истории; впервые появляется желание сделать действующим правом идеальное право, преподаваемое в университетах. Можно сказать, что впервые возник интерес к позитивному праву. Впервые также стало допускаться, что суверен может создавать право и пересматривать его в целом. Правда, считалось, что эти полномочия даются суверену для закрепления принципов естественного права. Как говорил Комбасерес, речь идет о “создании кодекса, соответствующего природе, санкционированного разумом и гарантированного свободой”. Однако, получив соответствующие полномочия, власть может уклониться от названной цели; законодатель может использовать ее для изменения основ общества, не заботясь о “естественных правах”» (Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 2009. С. 57—58).

⁶⁸ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2016. С. 47.

общества доходили в своем развитии до стадии всемогущества «государства» (Древний Египет, Рим, Западная Европа и др.). После этого государство, разрушив косвенные власти в виде сословий и установив нужное ему формальное равенство, начинает само подчиняться «статократии». Верхи чиновничества, занявшись перераспределением, захватывают власть и превращаются в феодалов — государство как власть снова разрушается⁶⁹. В отличие от Кревельда, увязывавшего рождение государства с XIV—XVII вв., Жувенель считает государство заключительной, наиболее бюрократизированной стадией развития «Власти», существовавшей в разные эпохи. Достижение стадии государства одновременно символизирует закат и упадок «Власти».

Заключение

Сегодня государство становится не столько ключевым объектом политической рефлексии, сколько субъектом политики и законотворчества. Лица, действующие от имени государства, создают видимость государства как реального, естественного субъекта, нейтрального и внепартийного, существующего вне идеологий и точек зрения. Государство, по Бурдье, пытается представить себя «точкой зрения на точки зрения», спрятать себя за нейтральностью⁷⁰, стать «центральным банком символического капитала».

В таком контексте принцип народного суверенитета становится фикцией: «...строю эту беспрецедентную организацию, эту необычную вещь, которой стало государство, создавая всю совокупность организационных ресурсов, одновременно материальных и символических, социальные агенты, отвечающие за эту работу, построили государство в смысле единого населения, которое мы обычно наделяем ролью причины»⁷¹.

При анализе государства как социального понятия и явления легко впасть в соблазн гипостазирования, наделения сущностью пустоты. Государство, в отличие от общины или монарха, есть не субъект, а поле социального взаи-

модействия и идея, обретшая свою телесность. С общественной точки зрения государство — нечто вполне реальное, однако его реальность наличествует прежде всего в сознании людей, а потом и в их практиках. У государства есть определенные признаки в силу социальных конвенций, в том числе юридических. Попадая в поле взаимодействия, называемое государством, некоторые люди или коллективы начинают действовать от его имени так, как если бы само государство действовало через них: «государство издало законы», «государство наказывает за преступления». Это решительно отличает «государство» от древних и средневековых «монархий», где монарх сочетал в себе единство физической и символической личностей.

Ключевая ткань государства — управление, причем в рамках определенных, бюрократических процедур, нивелирующих оригинальность мышления, разномыслие. Государство строится на нормировании и типизации. Способствуют этому различные институты, в том числе юридическое образование, идеологически не нейтральное. Оно чаще всего прогосударственное — не в смысле защиты конкретных лиц, но в смысле воспроизведения социальной иерархии в государстве⁷². В постсоветской России даже марксистский по происхождению исторический канон изучения государства (догосударственный строй — рабовладельческое — феодальное — буржуазное государство), лишившись своего критического заряда, становится апологией государства, чье происхождение ищут на берегах Нила. Логическим исходом политической эволюции становится не упразднение государства и классового насилия, а укрепление некоего неолиберального государства, отменяющего классовое деление и руководствующегося принципами права и демократии. Гегель здесь возобладал над Марксом: упразднение государства отменяется.

Мутировавший исторический материализм подкреплен общими постулатами юридического позитивизма. Последний не только привязывает право к государству, видя в государстве основание юридических норм, но и подчеркивает тысячелетний характер его существования.

⁶⁹ Жувенель Б. де. Указ. соч. С. 239—240.

⁷⁰ Бурдье П. О государстве. С. 93.

⁷¹ Бурдье П. О государстве. С. 102.

⁷² Важную роль в осмыслении юридического образования сыграл представитель критических правовых исследований (CLS) Данкан Кеннеди (см.: Kennedy D. Legal Education and the Reproduction of Hierarchy. A Polemic Against the System. New York, 1983).

Везде, где есть право, должно быть государство или хотя бы что-то, его напоминающее (город-государство, союз государств, межгосударственное объединение). На рубеже XIX и XX вв. О. Эрлих, П. Г. Виноградов, Л. И. Петражицкий и другие пытались переосмыслить роль государства в создании права. Однако их радикальные тезисы были успешно нейтрализованы мейнстримом правовой мысли⁷³.

В силу многих причин государство продолжает быть априорной политической категорией в сознании юристов, наблюдающих ежедневные проявления властных механизмов: «Реализуясь

в социальных структурах и в адаптированных к ним ментальных структурах, учрежденный институт заставляет забыть, что он является результатом долгого ряда действий по институционализации, и представляется со всеми его внешними признаками естественности»⁷⁴.

Для обличения этой «естественности» государства и необходимы критические подходы к понятию и происхождению государства. В этой статье были представлены различные критические концепции государства: от радикального политического эволюционизма до критической концептуальной истории.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М., 2016.
2. Бурдье П. О государстве. — М., 2016.
3. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. — М., 2001.
4. Грюнебаум Г. Э. фон. Классический ислам. Очерк истории (600—1258). — М., 1988.
5. Давид Р. Основные правовые системы современности. — М., 2009.
6. Джессоп Б. Государство: прошлое, настоящее и будущее. — М., 2019.
7. Еллинек Г. Общее учение о государстве. — СПб., 2004.
8. Жувенель Б. де. Власть. Естественная история ее возрастания. — М., 2011.
9. Зорькин В. Д. Позитивистская теория права в России. — М., 1978.
10. Иванова Ю. В., Соколов П. В. Кроме Макиавелли: Проблема метода в политических науках раннего Нового времени. — М., 2014.
11. Кант И. Метафизика нравов в двух частях // Кант И. Критика практического разума. — СПб., 2007.
12. Карнейро Р. Теория происхождения государства // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. — Волгоград, 2006.
13. Карсавин Л. П. Государство и кризис демократии // Новый мир. — 1991. — № 1.
14. Киселев М. А. Правда и закон во второй половине XVII — первой четверти XVIII века: от монарха-судьи к монарху-законодателю // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. — М., 2012. — Т. 1.
15. Копылова Е. Международный уголовный суд и Палестинская автономия: отказ в правосудии // Международное правосудие. — 2012. — № 2 (3).
16. Коттеррелл Р. Эрлих на окраине Империи: центры и периферии в правовых исследованиях // Эрлих О. Основоположение социологии права. — СПб., 2011.
17. Кром М. Рождение государства: Московская Русь XV—XVI веков. — М., 2018.
18. Кром М. М. Рождение государства Нового времени в России и Западной Европе: сравнительно-историческая перспектива // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. — СПб., 2006.
19. Мамут Л. С. Государство как публично-властным образом организованный народ // Журнал российского права. — 2000. — № 3.
20. Мамут Л. С. Социальное государство с точки зрения права // Государство и право. — 2001. — № 7.
21. Сийес Э. Ж. Что такое третье сословие // Аббат Сийес: от Бурбонов к Бонапарту. — СПб., 2003.
22. Токвиль А. де. Старый порядок и революция. — М., Челябинск, 2016.
23. Феномен полиса в современной зарубежной историографии. — М., 2011.

⁷³ Коттеррелл Р. Эрлих на окраине Империи: центры и периферии в правовых исследованиях // Эрлих О. Основоположение социологии права. СПб., 2011. С. 673—700.

⁷⁴ Бурдье П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля. С. 130.

24. Хархордин О. Основные понятия российской политики. — М., 2011.
25. Чистое учение о праве Ганса Кельзена : сб. переводов. — Вып. 2. — М., 1988.
26. Шахматов М. В. Подвиг власти: опыт по истории государственных идеалов России // Шахматов М. В. Государство правды. — М., 2008.
27. Шмитт К. Государство как конкретное понятие, связанное с определенной исторической эпохой // Логос. — 2012. — № 5 (89).
28. Штарк Р. Res Publica // Res Publica: история понятия. — СПб., 2009.
29. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — М., 2010.
30. Hobsbawm E. Introduction: The Invention of Tradition // The Invention of Tradition / Ed. by E. Hobsbawm and T. Ranger. — Cambridge, 1983.
31. Kennedy D. Legal Education and the Reproduction of Hierarchy. — New York, 1983.

Материал поступил в редакцию 15 ноября 2019 г.

REFERENCES

1. Anderson B. Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma [Imagined community. Reflections on the origins and spread of nationalism]. Moscow; 2016. (In Russ.)
2. Bourdieu P. O gosudarstve [On the state]. Moscow; 2016. (In Russ.)
3. Hobbes T. Leviatan, ili materiya, forma i vlast gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo [Leviathan, or the Matter, Forme and Power of a Common-Wealth Ecclesiastical and Civil]. Moscow; 2001. (In Russ.)
4. Grunebaum GE von. Klassicheskiy islam. Ocherk istorii (600—1258) [Classic Islam. A history 600-1258]. Moscow; 1988. (In Russ.)
5. David R. Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti [The main legal systems of our time]. Moscow; 2009. (In Russ.)
6. Jessop B. Gosudarstvo: proshloe, nastoyashchee i budushchee [The State: Past, Present, Future]. Moscow; 2019. (In Russ.)
7. Jellinek G. Obshchee uchenie o gosudarstve [General Theory of the State]. Saint Petersburg; 2004. (In Russ.)
8. Jouvenel B. de. Vlast. Estestvennaya istoriya ee vozrastaniya [On Power: The Natural History of its Growth]. Moscow; 2011. (In Russ.)
9. Zorkin VD. Pozitivistskaya teoriya prava v Rossii [Positivist theory of law in Russia]. Moscow; 1978. (In Russ.)
10. Ivanova YuV, Sokolov PV. Krome Makiavelli: problema metoda v politicheskikh naukakh rannego novogo vremeni [In addition to Machiavelli: The Problem of method in political Sciences in early modern times]. Moscow; 2014. (In Russ.)
11. Kant I. Kritika prakticheskogo razuma [The Critique of Practical Reason] In: Kant I. Metafizika нравов, v dvukh chastyakh [The Metaphysics of Morals, in two parts]. Saint Petersburg; 2007. (In Russ.)
12. Carneiro R. Teoriya proiskhozhdeniya gosudarstva [Theory of the origin of the state]. Rannee gosudarstvo, ego alternativy i analogi [The early state, its alternatives and analogues]. Volgograd; 2006. (In Russ.)
13. Karsavin LP. Gosudarstvo i krizis demokratii [The state and the crisis of democracy]. Noviy mir [A new world]. 1991;1. (In Russ.)
14. Kiselev MA. Pravda i zakon vo vtoroy polovine XVII-pervoy chetverti XVIII veka: ot monarkha-sudi k monarkhu-zakonodatelyu [Truth and the law in the second half of the 17th-first quarter of the 18th century: from the monarch-judge to the monarch-legislator]. In: «Ponyatiya o Rossii»: k istoricheskoy semantike imperskogo perioda [«Concepts of Russia»: to the historical semantics of the Imperial period]. Moscow; 2012. Vol. 1. (In Russ.)
15. Kopylova E. Mezhdunarodnyy ugolovnyy sud i palestinskaya avtonomiya: otkaz v pravosudii [The international criminal court and the Palestinian authority: denial of justice]. Mezhdunarodnoe pravosudie [International justice]. 2012;2(3). (In Russ.)
16. Cotterrell R. Erlikh na okraine imperii: tsentry i periferii v pravovykh issledovaniyakh [Ehrlich at the Edge of Empire: Centers and Peripheries in Legal Studies]. In: Erlikh O. Osnovopolozhenie sotsiologii prava [The Sociology of Law: An Introduction]. Saint Petersburg; 2011. (In Russ.)
17. Krom M. Rozhdenie gosudarstva: Moskovskaya Rus XV-XVI vekov [Birth of the State: Moscow Rus of the 15-16th Centuries]. Moscow; 2018. (In Russ.)

18. Krom M. Rozhdenie gosudarstva novogo vremeni v Rossii i Zapadnoy Evrope: sravnitel'no-istoricheskaya perspektiva [The Birth of the Modern State in Russia and Western Europe: A Comparative Historical Perspective]. In: Trudy kafedry istorii Rossii s drevneyshikh vremen do XX veka [Proceedings of the Department of Russian History from ancient times to the 20th century]. Saint Petersburg; 2006. (In Russ.)
19. Mamut LS. Gosudarstvo kak publichnovlastnym obrazom organizovanny narod [The state as a publicly organized people]. *Zhurnal Rossiyskogo prava [Journal of Russian Law]*. 2000;3. (In Russ.)
20. Mamut LS. Sotsialnoe gosudarstvo s tochki zreniya prava [The social state from the point of view of law]. *Gosudarstvo i Pravo [State and Law]*. 2001;7. (In Russ.)
21. Sieyes EZh. Chto takoe trete soslovie [What is the Third Estate?]. In: Abbat Siyes: ot Burbonov k Bonapartu [L'abbé Sieyes: From the Bourbons to Bonaparte]. Saint Petersburg; 2003. (In Russ.)
22. Tocqueville A. de. Staryy poryadok i revolyutsiya [The Old Regime and the Revolution]. Moscow, Chelyabinsk; 2016. (In Russ.)
23. Fenomen polisa v sovremennoy zarubezhnoy istoriografii [The phenomenon of the Polis in modern foreign historiography]. Moscow; 2011. (In Russ.)
24. Kharkhordin O. Osnovnye ponyatiya rossiyskoy politiki [Basic concepts of Russian politics]. Moscow; 2011. (In Russ.)
25. Chistoe uchenie o prave Gansa Kelzena: sb. perevodov [Pure doctrine of law by Hans Kelsen: collection of translations]. Issue 2. Moscow; 1988. (In Russ.)
26. Shakhmatov MV. Podvig vlasti: opyt po istorii gosudarstvennykh idealov Rossii [Grest deed of power: experience in the history of Russian state ideals]. In: Shakhmatov MV. Gosudarstvo pravdy [State of truth]. Moscow; 2008. (In Russ.)
27. Schmitt K. Gosudarstvo kak konkretnoe ponyatie, svyazannoe s opredelennoy istoricheskoy epokhoi [The state as a concrete concept associated with a certain historical epoch]. *Logos*. 2012;5(89). (In Russ.)
28. Stark R. Res Publica. In: Res Publica: istoriya ponyatiya [Res Publica: History of the concept]. Saint Petersburg; 2009. (In Russ.)
29. Engels F. Proiskhozhdenie semi, chastnoy sobstvennosti i gosudarstva [The Origin of the Family, Private Property, and the State]. Moscow; 2010. (In Russ.)
30. Hobsbawm E. Introduction: The Invention of Tradition. In: Hobsbawm E, Ranger T. The Invention of Tradition. Cambridge; 1983. (In Eng.)
31. Kennedy D. Legal Education and the Reproduction of Hierarchy. New York, 1983. (In Eng.)